

Б.В. Кунавин

Ю.С. Харченко

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, доктор филологических наук, профессор, Владикавказ, Россия
e-mail: vladraikun@mail.ru

Юлия Сергеевна Харченко

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, магистр, Владикавказ, Россия, e-mail: vladraikun@mail.ru

Гендерные особенности русской речи

Аннотация. В статье исследуется проявление гендера в русском языке. Задача состоит в описании гендерных различий, обнаруженных в языковых структурах. В результате установлены различия в женской и мужской речи, обусловленные биологическими, психологическими и социальными факторами, определено также, что андроцентризм в русском языке выражен слабее, чем в других европейских языках, и русская речь характеризуется большей фемининностью, что манифестируется в своеобразии функционирования категории рода, в противопоставлении по роду собирательных и конкретных мифологем.

Ключевые слова: маскулинность, фемининность, гендерная лингвистика, андроцентризм, гипероним, концепт.

Boris V. Kunavin

K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Dr., professor, Russia, Vladikavkaz, e-mail: vladraikun@mail.ru

Yulia S. Kharchenko

K.L. Khetagurov North Ossetian State University, master, Russia, Vladikavkaz, e-mail: vladraikun@mail.ru

Gender features of russian speech

Abstract. The article explores the manifestation of gender in Russian. The challenge is to describe the gender differences found in language structures. As a result, differences in female and male speech are established, due to biological, psychological and social factors, it is also determined that androcentrism in Russian is weaker than in other European languages, and Russian speech is characterized by greater femininity, which is manifested in the peculiarity of the functioning of the genus category, in contrast to the kind of collective and specific mythology.

Keywords: masculinity, femininity, gender linguistics, androcentrism, hyperonym, concept.

Довольно глубокое исследование информативной и референциальной функции языка в известной мере послужило причиной смещения интереса ученых на индивидуальные особенности говорящей личности, т. е. на человека в языке.

К настоящему времени появились концепции, активно вовлекающие в лингвистические исследования данные других наук, изучающих человека, – философии, психологии, биологии, социологии, культурологии. Исследователи пришли к выводу, что человек посредством языка обозначает не столько окружающие или находящиеся в нем самом объекты, сколько произведенные на него этими объектами впечатления, в результате чего огромное значение приобретает коннотация языковых единиц и индивидуальные особенности субъекта речи. А поскольку пол личности представляет собой важнейшую ее характеристику, в значительной степени обуславливающую ее культурную, когнитивную и социальную ориентацию в мире при непосредственном участии языка, сторонники гендерной лингвистики в центр своих исследований ставят пол.

При этом феномены маскулинности и фемининности рассматриваются не как постоянная природная данность, а как подвергающиеся постоянным изменениям продукты эволюции общества, т. е. различное отношение мужчин и женщин к средствам языка и их использованию определяется не только полом, но и уровнем развития культуры говорящего субъекта, его профессиональным и социальным статусом, ситуацией общения.

Следует также принимать во внимание неодинаковое отношение к фемининности и маскулинности в разных культурах. То, что в одной культуре признается корректным для мужчин и женщин, в другой культуре может считаться немужественным и неженственным [1, с. 131].

Поскольку гендерная лингвистика представляет собой относительно новое направление в языкознании, то в ее понимании и трактовке имеют место значительные разногласия и противоречия. Так, Р. Лакофф обосновывает андроцентричность языка и утверждает ущербность образа женщины в языковой картине мира, что характеризуется термином «сексизм» [2].

А.В. Кирилина, соглашаясь с андроцентричностью языка, отвергает понятие сексизма и подчеркивает социальную и культурную обусловленность феномена пола [3].

Действительно, гендерные различия, манифестированные в языке, обусловлены, в первую очередь, не биологическими различиями, а социальными [4, с. 214].

Структуры языка играют важную роль в культурном представлении пола, поэтому их изучение в гендерном аспекте представляет несомненную актуальность. Андроцентризм характерен для всех языков христианской и мусульманской культуры, однако степень его проявления в различных языках неодинакова. Так, в русском языке он проявляется слабее, чем, например, в немецком языке. В русской культуре довольно сильно женское начало, на что справедливо указывали русские философы В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев.

По мнению Д. Таннен, мужчины в своем речевом поведении руководствуются стремлением к высокому статусу, а для речевого поведения женщин характерна уступчивость, эмоциональность, неконфликтность [5].

Однако не все так однозначно. По мнению В. Розанова, женская мягкость, уступчивость и безволие «в нужный момент оборачивается содержательной силой смысла, порождающей новые формы уже вне влияния прежних качеств и форм» [4, с. 214]. Данное «женственное качество» В.В. Колесов усматривает и в характере русского языка, который легко идет на заимствование, изменяя формы слов, но сохраняя «концептуальный смысл славянских слов и категорий» [4, с. 214]. Данное суждение подтверждается тем, что многие производные от того или иного русского корня слова заменяются заимствованиями из других языков, однако сам корень сохраняется и не вытесняется иноязычиями. При этом заимствованные слова нередко не входят в общелитературную систему русского языка, а остаются на его периферии только в качестве терминов и социальных слов. Так, заимствованная из английского языка лексема «имидж» не имеет негативной коннотации и свойственна публицистическому стилю, а семантически соответствующее ей русское производное слово «личина» характеризуется неодобрительным оттенком значения.

Сохраняется и слово «лицо», у которого в Словаре С.И. Ожегова выделяется пять значений. Таким образом, смысл, заложенный в русском корне «лик», отнюдь не заменяется заимствованным словом. И в этом смысле мысль Василия Розанова о культурном своеобразии женщины легко проецируется на русский язык, т. е. сама система русского языка сходна с «женственным качеством».

По мнению некоторых исследователей, гендерные различия проявляются и в формах языка. Так, в средневековых европейских грамматиках гласные сравнивались с женским началом, а согласные – с мужским.

В литературоведении виды рифм подразделяются на несколько видов, в том числе на женские и мужские. В русской поэзии преобладают женские рифмы над мужскими, что также свидетельствует о проявлении женственности в русском языке.

О проявлении женственности в русском языке свидетельствует и более широкое распространение в нем категории рода. В свое время И.А. Бодуэн де Куртене по отношению к категории рода выделил три вида языков: языки, «сексуализирующие мысль человека», содержащие физиологический подтекст и имеющие три формы рода, к каковым относится русский язык; языки, в которых выражается биологическое противопоставление живого неживому, члениющиеся на мужское и женское (романские языки); языки, в которых осуществляется деление по лицам (английский язык).

Особенностью русского языка является то, что в нем имена не только имеют род (имена существительные), но и изменяются по родам (имена прилагательные, порядковые имена числительные, определительные местоимения). И даже глагольные формы прошедшего времени изменяются по родам.

С синтаксической точки зрения подобное их изменение по родам, числам и падежам в сочетании с определяемыми именами существительными представляется избыточным, однако в аспекте манифестации гендерных различий такое изменение сохраняет свою актуальность. Так, формы прошедшего времени глагола в сочетании с личными сочетаниями мужского рода маркируют пол лица. Ср.: доктор пришла, управдом заявила, профессор выступила с докладом и т. п.

Следует, однако, заметить, что категория рода в русском языке даже в словах, обозначающих отвлеченные понятия и предметы, выражает те или иные содержательные оттенки. Особенно ярко данное явление обнаруживается в художественном тексте, что прекрасно показал В.В. Виноградов на примере сравнения двух разных русских переводов стихотворения Г. Гейне «*Ein Fichtenbaum steht einsam*». В этом лирическом произведении автор создал в аллегорической форме образ «мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине» [6]. В качестве любящего мужчины у Гейне выступает образ имени существительного мужского рода *der Fichtenbaum* (кедр), а предмет любовной страсти героя представлен образом имени существительного женского рода *die Palme* (пальма). Ф.И. Тютчев в своем переводе сохранил без изменения род обоих имен существительных, передав лексему *der Fichtenbaum* словом «кедр», а *die Palme* – словом «пальма». В результате поэто-переводчик полностью сохранил идею оригинала, передав любовную устремленность мужского образа. М.Ю. Лермонтов, переводя указанное стихотворение Г. Гейне, заменил образ «кедра» (*der Fichtenbaum*) образом имени существительного женского рода «сосна», тем самым полностью из-

менив идею оригинала. В переводе М.Ю. Лермонтова речь идет не о любовном чувстве, а о глубокой грусти двух разлученных друзей (подруг). Женский род существительного «сосна» преобразовал мужскую любовную страсть в тяжелое страдание скупающих в разлуке друзей.

Примечательно в этом смысле приведенное В.В. Виноградовым высказывание Д.Н. Свербеева, в котором указывается на несоответствие формы рода города Киева его народному прозвищу «мать городов русских»: «Мать городов русских, так называют часто Киев, неизвестно почему переделывая его в женщину» [7, с. 61]. Много подобных примеров изменения рода и, как следствие, пола художественных образов при переводе с иных языков на русский язык приводит в своей книге В.В. Виноградов [7, с. 60–62]. Все это свидетельствует о потенциальных смысловых оттенках, заложенных в форме рода имени существительного, при определенных обстоятельствах реализующихся в выразительные метафоры. Особенно примечательно в этом отношении следующее выражение А.С. Шишкова, приведенное В.В. Виноградовым: «Цензоры во все времена были у нас большею частью худы, т. е. не довольно сведущие в словесности. Я помню давно уже, что один из них не хотел пропустить выражения нагая истина, сказывая, что истина женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагой» [7, с. 62].

Приведенная цитата свидетельствует о том, что в случае с олицетворением грамматическая категория рода вызывает представление (ассоциацию) о естественном поле.

Пришедшие к власти в 1917 году большевики провозгласили эмансипацию женщин, что выразилось в уравнивании с мужчинами не только их социального положения, но и нашло отражение в языке.

Интересно в этом смысле проследить историю слова «товарищ». По своему происхождению оно является книжным, т. е. восходящим к старославянскому языку, что проявляется даже в его фонетическом облике. Вначале данная лексема имела значение «соучастник в общем деле», а затем стала получать переносные значения. Товарищем начали называть каждого, кто принимал участие в общем деле. С конца XVIII века указанное слово стали употреблять при обращении в высоком стиле. Ср.: у А.С. Пушкина:

*Товарищ, верь! Взойдет она,
Звезда пленительного счастья...*

Кроме того, слово «товарищ» употреблялось в царской России для обозначения заместителя на государственной службе (товарищ председателя, товарищ прокурора и т. п.).

До Октябрьской революции 1917 года словом «товарищ» называли друг друга революционеры – члены одной партии. После Октябрьской революции указанная лексема стала использоваться для обозначения человека как члена советского обще-

ства, обычно при обращении по фамилии (товарищ Иванов), при названии профессии, должности, звания (товарищ профессор, товарищ командир и т. п.).

При этом в советский период имя существительное мужского рода «товарищ» одинаково употреблялось как по отношению к мужчинам, так и к женщинам (товарищ Иванова), в результате чего внимание собеседников акцентировалось не на различиях по полу, а на социальной близости.

В современных толковых словарях русского языка в качестве основного значения у данного слова выделяется «человек, близкий кому-нибудь по общности взглядов, деятельности, условий жизни и т. п.» [8]. Однако в данном значении оно используется редко, поскольку вытесняется словом «друг». В настоящее время практически оно сохранилось лишь в армейском этикете (товарищ лейтенант, товарищ генерал и т. п.).

Что касается неличных имен существительных в русском языке, то лексемы женского рода характеризуются собирательно-отвлеченным значением, в то время как лексемам мужского рода присуща смысловая конкретность. Согласно утверждениям философов, в мужчине более резко передано индивидуально-видовое, а в женщине доминирует неопределенно-родовое начало. Вследствие этого гиперонимы следует считать женской чертой. Согласно мнению В.В. Колесова, противопоставление собирательных женских и конкретных мужских мифологем в их противопоставлении по роду представляется традиционным для русской ментальности. Например: беда, участь, судьба, доля и страх, смех, ужас, гнев; жизнь, свобода, воля, любовь, радость, смерть. Примечательно противопоставление собирательно женских концептов Родина, Русь, Россия и конкретных концептов, манифестированных именами существительными мужского рода «двор», «дом». Некоторые мифологические и философские представления в русском языке различаются лишь по роду. Ср.: дух – душа.

В свое время О. Есперсен считал, что мужчины быстрее женщин усваивают иностранный язык. Однако В.В. Колесов утверждает совершенно противоположное: «Женщины лингвистически «быстрее» мужчин, легко усваивают иностранные языки, вводя их в общество...» [4, с. 216]. О. Есперсен писал также о превосходстве мужского ума над женским [3, с. 53]. Однако в русской культуре именно женщина признается за эталон ума и красоты, о чем свидетельствуют такие народные образы, как Елена Прекрасная, Василиса Премудрая.

Говоря об отличиях женской и мужской речи, важно учитывать биологический, психологический и социальный аспекты. Женская речь отличается от мужской темпом речи, тембром голоса, особенностью пауз [9, с. 56]. В общении женщины чаще используют диалог, а мужчины – монолог, женщины реже, чем мужчины употребляют жаргонизмы, неологизмы, варваризмы. Речь мужчин грубее

женской. Речь женщин отличается большей эмоциональностью, чем речь мужчин, они чаще употребляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, формы превосходной степени имен прилагательных, междометия, шире используют «вы» – обращение, избегают высокого стиля, предпочитают средний, часто используют эвфемизмы. Большую роль в речи женщин играет ситуация [9; 3; 10; 4, с. 217–218]. Женщины консервативны в употреблении языка, дольше мужчин сохраняют в речи диалектные черты [11, с. 6].

Женщины чаще склонны к положительной оценке, а мужчины – к отрицательной. Мужчины намного чаще женщин употребляют бранную лексику, мат, армейский и тюремный жаргон, большой объем абстрактных имен существительных, газетных клише.

В письменной речи женщины шире, чем мужчины, пользуются эллиптическими конструкциями, предпочитают сочинительную связь подчинительной в сложных предложениях, чаще обращаются к инверсии и риторическим вопросам, восклицательным и вопросительным предложениям [12; 13; 3].

Освоение женщинами мужских профессий, муж-

ских видов спорта, нередко главенствующее положение в семье порождают употребление в речи женщин мужских языковых форм, противоречащих норме. Так, уподобляясь мужчине, женщины изменяют акцентуацию слов по аналогии с мужским родом. Например, за'нята, да'ла, нали'ла, спа'ла, собра'ла, дра'ла и т. п. вместо занята', поняла', дала', налила', спала', собрала', драла'.

Итак, как показали проведенные наблюдения, женская и мужская речь имеют определенные гендерные отличия на биологическом, психологическом и социальном уровнях. В целом русскому языку, как и большинству других языков, характерен андроцентризм, хотя в русском языке он выражен слабее, чем в других европейских языках, что обусловлено сильным женским началом в русской культуре. Русская речь проявляет тенденцию к большей женственности, что выражается в развитии новых видов модальности, превалировании паратактических конструкций над гипотактическими, в изменении глаголов прошедшего времени по родам, в ассоциации абстрактных имен существительных с женским полом и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) / А. В. Кирилина // *Общественные науки и современность* (ОНС), 2000. № 4. С. 138–143.
2. Lakoff R., *Language and Woman's Place* (New York, Harper, 1975), p. 174.
3. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. В. Кирилина // *Филологические науки*, 1998. № 2. С. 51–58.
4. Колесов В.В. *Язык и ментальность*. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
5. Таннен Д. Ты меня не понимаешь (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга). М.: «Вече Персей АСТ», 1996. 215 с.
6. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // *Избранные работы по русскому языку*. – М.: Просвещение, 1957. С.97–109.
7. Виноградов В.В. *Русский язык*. – М.: Изд-во Высшая школа, 1972. 614 с.
8. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. – М.: Мир и Образование, 2013. 736 с.
9. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В. В. Потапов // *Известия АН. Сер. лит. и яз.* – 1997. Т. 56. № 3. С.52–62.
10. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык и его функционирование* / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова / [под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева]. – М., 1993. С. 90–136.
11. *Русская диалектология* / Под ред. Л.Л. Касаткиной. – М.: Академия, 2005. 288 с.
12. Пушкарёва Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки / Н.Л. Пушкарёва // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2. С. 31–40.
13. *Словарь гендерных терминов* / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские инновационные проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.

REFERENCES

1. Kirilina A.V. *Gender studies in foreign and Russian linguistics (philosophical and methodological aspects)* / A.V. Kirilina // *Social sciences and modernity (ONS)*, 2000. № 4. Page 138–143.
2. Lakoff R., *Language and Woman's Place* (New York, Harper, 1975), p. 174.
3. Kirilina A.V. *Development of gender studies in linguistics*/A.V. Kirilina // *Philological sciences*, 1998. № 2. Page 51–58.
4. Kolesov V.V. *Language and mentality*. St. Petersburg Oriental Studies, 2004. 240 pages.
5. D. Tannen. *You do not understand me (Why men and women do not understand each other)*. М.: «Veche Perseus АСТ», 1996. 215 p.
6. Shcherba L.V. *Experiments of linguistic interpretation of poems. «Pine» by Lermontov in comparison with her German prototype* // *Selected works on the Russian language*. – М.: Enlightenment, 1957. P. 97–109.
7. Vinogradov V.V. *Russian language*. – М.: Publishing House Higher School, 1972. 614 p.
8. Ozhegov S.I. *Interpretive dictionary of the Russian language*. – М.: Peace and Education, 2013. 736 p.
9. Potapov V.V. *Language of women and men: phonetic differentiation*/V.V. Potapov// *Izvestia AN. Ser. lit. and language*, 1997. Т. 56. № 3. P. 52–62.
10. Zemskaya E.A. *Features of male and female speech// Russian language and its functioning*/E.A. Zemskaya, M.V. Kitaigorodskaya, N.N. Rozanova/[edited by E.A. Zemskaya, D.N. Shmelyova]. – М, 1993. P. 90–136.
11. *Russian dialectology*/Ed. L. L. Kasatkina. – М.: Academy, 2005. 288 p.
12. Pushkareva N.L. *Gender linguistics and historical sciences*/ N.L. Pushkareva// *Ethnographic review*, 2001. № 2. P. 31–40.
13. *Dictionary of Gender Terms*/Ed. A.A. Denisova / *Regional Public Organization «East-West: Women's Innovative Projects»*. – М.: Information KhKh1 century, 2002. 256 p.